

О делах подобных не размышляй,
не то сойдешь с ума.

Шекспир. Макбет.

II акт, II сцена

ГЛАВА 1

Бернар вошел в кафе, на секунду застыл в нерешительности под взглядами немногих посетителей, чьи лица странно искажал неоновый свет, и двинулся к кассирше. Ему нравились кассирши в барах, пышногрудые, полные достоинства, дремотно подающие мелочь и спички. Устало, не улыбнувшись, она протянула ему жетон для телефона. Время приближалось к четырем часам утра. Кабина телефона была грязная, телефонная трубка — влажная. Он набрал номер Жозе и только тогда понял, что его вынужденный марш-бросок из конца в конец Парижа, растянувшийся на всю ночь, довел его просто-напросто до такой усталости, что действовал он уже совершенно машинально. Конечно, звонить девушке в четыре часа утра было глупо. Она, разумеется, и намеком не даст понять,

что это хамский поступок, но в таком звонке действительно было что-то беспардонное, чего Бернар терпеть не мог. Ее он не любил, это-то и было самое неприятное, но он непременно должен был знать, чем она занята, и мысль о ней изводила его весь день.

Послышались длинные гудки. Он прислонился к стене и полез в карман за пачкой сигарет. Наконец трубку сняли, и сонный мужской голос произнес: «Алло». И сразу же он услышал голос Жозе: «Кто это?»

Бернар в ужасе застыл, боясь, что она догадается, что это он, боясь, что его застигнут за тем, что сам застиг ее. Это было жуткое мгновение. Он вынул из кармана сигареты и повесил трубку. Опомнился Бернар уже на набережной, он шел, невнятно ругаясь. То, что второй голос прозвучал почти одновременно с первым, успокаивало его, хотя в то же время именно это и бесило: «Она ведь, в конце концов, ничем тебе не обязана, ты у нее ничего не просил, она богата, свободна, ты даже не официальный ее любовник». Но он уже не мог избавиться от тревоги и беспо-

койства — его тянуло звонить ей каждую минуту, а ведь он надеялся, что это будет самый безоблачный его роман. Бернар вел себя как мальчишка, болтал с Жозе о том о сем, о книгах, провел с ней ночь, и все это как бы между прочим, все это с безупречным вкусом, к чему, надо сказать, весьма располагала квартира Жозе. А теперь ему предстоит вернуться домой и опять увидеть на письменном столе свой скверный роман, страницы, валяющиеся в диком беспорядке, а в постели — жену, которая, конечно же, спит. Она всегда спит в это время, повернув детское личико к двери, словно боится, что он так никогда и не придет, и даже во сне продолжает ждать его, как ждала целый день, с мучительным беспокойством.

Молодой человек положил трубку, и Жозе с трудом подавила гнев, охвативший ее в тот момент, когда он подошел к телефону и ответил, будто у себя дома.

— Не знаю, кто это, — недовольно сказал юноша, — но он повесил трубку.

— Почему же тогда «он»? — спросила Жозе.

— Потому что по ночам женщинам обычно звонят мужчины, — зевая, сказал молодой человек. — И вешают трубку.

Жозе с любопытством взглянула на него, пытаясь понять, что же он все-таки здесь делает. Она не знала, почему позволила ему проводить себя после ужина у Алена и уж тем более — подняться затем наверх. Он был довольно красив, но вульгарен и малоинтересен. Куда менее интеллигентен, чем Бернар, даже, пожалуй, менее обольстителен. Молодой человек сел на кровать и взял в руки часы.

— Четыре часа, — сказал он. — Гадкое время.

— Почему гадкое?

Он не ответил, обернулся и пристально посмотрел на нее через плечо. Она ответила ему таким же взглядом, затем потянула на себя простыню, но почему-то замерла. Догадалась, о чем он подумал. Оказавшись у нее дома, он грубо взял ее и сразу же уснул, а теперь спокойно смотрел на нее. Его мало волновало, кто она такая и что сейчас думает о нем. В эту минуту она просто принадлежала ему. И от

этой его уверенности она все сильнее чувствовала в себе не раздражение, не злость, а покорность, огромную покорность.

Он посмотрел ей в лицо и низким голосом велел откинуть простыню. Жозе послушалась его, и он медленно оглядел ее. Лежать так было стыдно, но не хватало сил пошевелиться, придумать что-нибудь забавное; будь это Бернар или еще кто-то, она бы пошутила и быстро перевернулась на живот. А тут ничего не получится: он не поймет, не рассмеется. Судя по всему, у него уже сложилось о ней вполне четкое представление, незыблемое и примитивное, и он от него ни за что не откажется. Сердце ее тяжело забилося. «Я пропала», — подумала она, почему-то ликуя. Молодой человек с таинственной улыбкой склонился над ней. Она, не мигая, смотрела, как он приближается.

— Должен же телефон на что-то согдаться, — сказал он, резко и торопливо бросаясь на нее.

Жозе закрыла глаза.

«Я больше не смогу шутить в такие минуты, — подумала она, — и никогда теперь

все это не будет происходить так легко в ночной темноте, и я всегда буду помнить этот его взгляд и то особенное, что в нем было».

— Ты не спишь?

Фанни Малиграсс жалобно вздохнула:

— Да астма все меня мучает. Ален, будь добр, принеси чашку чая.

Ален Малиграсс с большим трудом выбрался из большой супружеской кровати и закутался в халат. Малиграссы были довольно красивы и влюблены друг в друга долгие годы, еще с довоенных времен. Встретившись после четырехлетней разлуки, они обнаружили, что оба изменились и что прожитые каждым из них пять десятилетий не прошли для них даром. И потому были невольно и трогательно целомудренны и старательно скрывали друг от друга отметины прожитых лет. В то же время обоим тянуло к молодежи. О Малиграссах с теплотой говорили, что они любят молодых, и это были не пустые слова. Они действительно их любили, но не потому, что молодежь развлекала их или

им нравилось давать бесполезные советы, — нет, им действительно с молодежью было интереснее, чем со сверстниками. Интерес этот, как только представлялся случай, у каждого из них легко конкретизировался, вкус к молодости всегда сопровождался естественной нежной страстью к юной плоти.

Пятью минутами позже Ален ставил поднос на кровать супруги, глядя на нее с состраданием. Ее маленькое личико потемнело и осунулось из-за бессонницы, и только глаза — искрящиеся, юркие и нестерпимо-голубые — оставались по-прежнему прекрасными.

— По-моему, вечер был милый, — сказала она, беря в руки чашку.

Ален смотрел, как она глотает чай, как двигается ее слегка морщинистая шея, и ни о чем не думал. Потом, сделав над собой усилие, заговорил:

— Не понимаю, почему Бернар всегда приходит без жены. А Жозе, надо сказать, сейчас весьма соблазнительна.

— И Беатрис, — со смешком заметила Фанни.

Ален рассмеялся вместе с ней. Его восхищение Беатрис всегда было у них с женой поводом для шуток. Она и не догадывалась, до какой степени все это стало мучительным для него. Каждый раз после их, как они в шутку говорили, «понедельничных салонов» он ложился спать, весь дрожа. Беатрис была красива и неистова; эти два эпитета мгновенно приходили ему на ум, и он повторял их про себя бесконечно. «Красивая и неистовая»: вот она смеется, пряча свое трагическое, печальное лицо, потому что смех ее не украшает, вот она гневно рассуждает о своей профессии, потому что ей пока не удалось преуспеть. Глупенькая Беатрис, как говорит Фанни. Глупенькая, пусть, но какая трогательная!

Вот уже двадцать лет Ален работал в издательстве, но платили ему немного. Он был очень образован и очень привязан к своей жене. И как эти шуточки насчет Беатрис могли превратиться в такой тяжкий груз, который он поднимал каждое утро, просыпаясь, и тащил всю неделю, пока не наступал понедельник? По поне-

дельникам Беатрис приходила к очаровательной пожилой паре, то есть к ним с Фанни, и он играл роль деликатного, возвышенного и слегка рассеянного мужчины, которому давно перевалило за пятьдесят. Он любил Беатрис.

— Беатрис надеется получить небольшую роль в новой пьесе N... — сказала Фанни. — А бутербродов хватило?

Малиграссы должны были как-то выкручиваться, чтобы хватало денег на «понедельники». Новая мода на виски стала для них катастрофой.

— Думаю, хватило, — сказал Ален.

Он сидел на краю кровати, свесив руки между острыми коленями. Фанни нежно и жалостливо посмотрела на него.

— Завтра приезжает твой юный родственник из Нормандии, — сказала она. — Надеюсь, он чист сердцем и великодушен, Жозе наверняка влюбится в него.

— Жозе ни в кого не влюбляется, — сказал Ален. — Может, попробуем поспать?

Он убрал поднос с колен жены, поцеловал ее в лоб, в щеку и лег спать. Ему было холодно, хотя у них топили. Он был стар,

а старики всегда мерзнут. И ни на какую помощь от литературы рассчитывать он больше не мог.

Что будет с нами через месяц, через год,
Коль за морями жизнь без вас полна
невзгод,
Распустятся цветы и вновь поникнут,
Но никогда Тит не увидит Беренику.

Расп. Береника. III акт, II сцена

Беатрис стояла в халате перед зеркалом и любовалась собой. Стихи каменными цветами срывались с ее губ. «Где же я это вычитала?» — подумала она и вдруг ощутила в себе бесконечную тоску. И праведный гнев. Пять лет назад она изображала Беренику перед своим бывшим мужем, а вот теперь — перед зеркалом. Она бы предпочла стоять сейчас перед темным и пенящимся морем, на которое так похож зрительный зал в театре, и произнести хотя бы «Кушать подано», если для нее и впрямь нет другой роли.

— Ради этого я пойду на все, — сказала она зеркалу, и отражение улыбнулось ей в ответ.

Тем временем юный Эдуар Малиграсс, родственник из Нормандии, садился в поезд, который должен был отвезти его в столицу.

ГЛАВА 2

Бернар в десятый раз за это утро встал со стула, подошел к окну и оперся о стекло. Он устал. Что-то в его писательских потугах было унижительное. Написанное унижало его. Перечитав последние страницы, он почувствовал какую-то невыносимую их бессмысленность. Там не было ничего, что ему хотелось выразить, ничего важного, главного, того, что временами он, казалось, глубоко чувствовал. Бернар зарабатывал на жизнь критическими заметками в разных журналах, был сотрудником издательства, где работал Ален, и нескольких газет. Три года назад он напечатал роман, который критики сочли «тусклым, но довольно добротным с точки зрения психологии». У него было два желания: написать хороший роман, а с некоторых пор — обладать Жозе. Но слова продолжали пре-

давать его, а Жозе исчезла, в очередной раз пленившись какой-нибудь страной или каким-нибудь юношей (поди узнай), тем более что богатство отца и собственное обаяние позволяли ей тут же реализовывать любую блажь.

— Что, не получается?

За спиной у него стояла Николь. Он просил ее не мешать ему работать, но она не могла удержаться и без конца заходила в кабинет под тем предлогом, что видела его только по утрам. Он знал, что ей необходимо видеть его только для того, чтобы жить, но не желал считаться с этим; они поженились три года назад, и с каждым днем она все больше любила его, а ему это казалось совершенно чудовищным. Николь была ему теперь безразлична. Ему только нравилось вспоминать, каким он сам был во времена их романа, нравилась тогдашняя собственная решительность, выразившаяся в том, что он на ней женился: ведь с тех пор он так и не принял ни одного серьезного решения, чего бы оно ни касалось.

— Да у меня вообще ничего не получается. И, судя по началу, не получится никогда.

— Все у тебя получится. Нисколько не сомневаюсь.

Ее нежный оптимизм бесил его больше всего. Если бы то же самое сказали ему Жозе или Ален, возможно, он поверил бы в себя, но Жозе в прозе ровно ничего не смыслила и признавала это, а Ален, хоть и подбадривал его, изображал благоговение перед литературой. «Главное, — любил он говорить, — будет видно потом». Что это, в конце концов, могло значить? Бернар силился разобраться. Вся эта тарбарщина выводила его из себя. «Чтобы начать писать, — говорила Фанни, — нужны лист бумаги, ручка и намек на идею». Он любил Фанни. Он любил всех... и никого. Жозе его раздражала. Но он без нее не мог. Вот и все. Хоть вешайся.

Николь всегда была под рукой. Она вечно прибиралась. Все свое время она проводила в уборке их крохотной квартиры, где он оставлял ее одну на целый день. Она не знала ни Парижа, ни литературы; и то и другое и восхищало, и пугало ее. Ключом ко всему был Бернар, а он от нее ускользал. Он был умнее, привлекательнее. Все хотели с ним общаться. А у нее пока не

могло быть детей. Руан и аптека отца — больше она ничего не знала. Так ей однажды заявил Бернар, а потом долго умолял простить его. В такие минуты он был слаб, как ребенок, готовый расплакаться. Но ей легче было вынести эти его вспышки жестокости, чем жестокость повседневную, когда, небрежно поцеловав ее, он уходил после завтрака и возвращался только поздно ночью. Бернара и свои муки Николь, как ни странно, воспринимала как подарок. Но замуж за подарок не выходят. И потому она не могла винить его ни в чем.

Бернар смотрел на Николь. Она была довольно красива и довольно грустна.

— Хочешь пойти со мной вечером к Малиграссам? — с нежностью спросил он.

— С удовольствием, — ответила Николь.

В одно мгновение она стала счастливой, и Бернар внезапно почувствовал угрызения совести, но эти угрызения были так не новы, так привычны, что, как всегда, быстро исчезли. И потом, он ничем не рисковал, беря ее с собой: Жозе не будет. Жозе не стала бы обращать на него внимание, если бы он пришел с женой. Или говорила

бы только с Николь. У Жозе были такие вот ложные представления о доброте — она только не знала, что это никому не нужно.

— Я зайду за тобой около девяти, — сказал Бернар. — Что ты сегодня делаешь?

И тут же осекся: он знал, что ей нечего ответить.

— Постарайся прочесть эту рукопись для меня: я никак не успеваю.

Он прекрасно знал, что толку от ее чтения ровно никакого. Николь всегда с таким почтением относилась к написанному, так восхищалась работой (даже самой нелепой), которую кто-то сделал, что была просто не способна на мало-мальски критическое суждение. Сверх всего, она еще будет чувствовать себя обязанной прочесть эту рукопись, надеясь помочь ему. «Она хотела бы быть мне необходимой, — сердито думал он, спускаясь по лестнице, — типично женская причуда...» Внизу, глянув в зеркало, он увидел, какое злое у него лицо, и устыдился. Ну и влип же он.

В издательстве Бернара встретил Ален, явно очень возбужденный.

— Тебе звонила Беатрис, она просила, чтобы ты немедленно позвонил ей. —

С Беатрис у Бернара сразу после войны был довольно бурный роман. С тех пор он разговаривал с ней как-то снисходительно-нежно, и это не давало покоя Алену.

— Бернар? — Беатрис говорила хорошо поставленным голосом, как в лучшие свои времена. — Бернар, ты знаешь N? У тебя ведь издаются его пьесы, да?

— Знаю немного.

— Фанни слышала, как он сказал, что хотел бы видеть меня в своей новой пьесе. Мне надо с ним встретиться и поговорить. Бернар, сделай это для меня.

Что-то в ее голосе напомнило Бернару лучшие дни их послевоенной молодости, когда оба они, вырываясь из уютных, добропорядочных домов, встречались, не зная, где раздобыть сто франков на ужин. А однажды Беатрис даже удалось занять тысячу франков у одного хозяина бара, известного своей скаредностью. Просто благодаря вот этому своему голосу. Такая сила убеждения встречается нечасто.

— Я все устрою. Ближе к вечеру позволю тебе.

— В пять часов, — твердо сказала Беатрис. — Бернар, я тебя люблю, я всегда тебя любила.

— Целых два года, — смеясь, ответил Бернар.

Продолжая смеяться, он обернулся к Алenu и увидел выражение его лица. И тут же отвернулся. Голос Беатрис раздавался на всю комнату. Бернар заговорил снова:

— Ладно. Но я ведь в любом случае у Алена тебя увижу?

— Да, конечно.

— Он здесь, рядом со мной, хочешь с ним поговорить? — спросил Бернар, не зная, зачем задает этот вопрос.

— Нет, мне некогда. Скажи ему, что я его целую.

Малиграсс уже протянул руку к телефонной трубке. Бернар, стоя к нему спиной, видел только эту ухоженную руку с сильно вздувшимися венами.

— Обязательно скажу, — ответил он, — до свидания.

Рука опустилась. Бернар подождал секунду-другую, потом обернулся.

— Она вас целует, — сказал он наконец, — ее кто-то ждет.

И почувствовал себя очень несчастным.

Жозе остановила машину возле дома Малиграссов на улице Турнон. Было уже совсем темно, и в свете уличного фонаря тускло мерцали пылинки на капоте и мош-кара на стекле.

— В общем, я с тобой не иду, — сказал молодой человек, — ей-богу, не знаю, о чем с ними говорить. Лучше пойду позанимаюсь.

Жозе как-то сразу и обрадовалась, и расстроилась. Неделя с ним в деревне показала ей довольно тягостной. Он то молчал как рыба, то был чрезмерно общителен. И спокойствие его, как и его полувульгарность, отпугивало ее теперь не меньше, чем раньше притягивало.

— Я позанимаюсь и приду к тебе, — сказал молодой человек. — Постарайся вернуться не слишком поздно.

— Я вообще не знаю, вернусь или нет, — возмущенно ответила Жозе.

— Тогда так и скажи, что мне без толку приходить. Машины у меня нет.

Жозе не могла понять, что он при этом думал, и положила ему руку на плечо:

— Жак!